

Матвиенко Н. М.

18/III 88

ВЗЯЛА В ДОРОГУ ПЕСНЮ...

Беседа с Ниной Матвиенко, удостоенной
Государственной премии УССР
им. Т. Г. Шевченко

С народной артисткой УССР Ниной Матвиенко мы встретились в гримерной Львовского театра оперы и балета им. Ивана Франко. Она приехала во Львов по приглашению областного отделения Украинского фонда культуры, чтобы принять участие в концерте, средства от которого были потом перечислены на сооружение памятника Тарасу Шевченко в нашем городе. Концертный номер, где она должна была петь вместе с народной капеллой мальчиков и юношей «Дударик», — во втором отделении. И Нина Матвиенко согласилась на беседу.

— Нина Митрофановна, откуда истоки вашей любви к народной песне? Где прошло ваше детство?

— До десяти лет я росла на Полесье, в селе Недалише на Житомирщине. Любовь моя к песне — еще с колыбельной, которую напевала мама, Антонина Ильковна. И от того, что взяла в дорогу, — никогда уже не откажусь. Нас у родителей было одиннадцать. К счастью, выжили все. Детство было какое-то «недетское». Мы не знали ни кукол, ни других покупных игрушек, играли с самодельными, тряпичными. Но играли редко — приходилось работать: мы с мамой столько полотна переткали! Бегали на колхозное поле пополь. Иногда думалось: неужто все детство так и пройдет за работой? А где сказки, шаловливые проделки, когда можно спрятаться во ржи и изображать рвсадку? Или взобраться на высокое дерево и подергать бога за бороду? Не было этого. А вот песня была. Пела, помогая матери. Пела, потому что так заведено было не мною, не мамой. И даже не нашими прабабками. Солнце встало, туман растаял — человек и запел. Так я думаю... И очень ра-

но отчего-то загрустила моя душа. Отец пил. Мы, дети, болезненно это переживали. Теперь понимаю, что пил он не потому, что был пьяницей. Жизнь у него тяжелая была. Да и время послевоенное. Родилась я в сорок седьмом. Вслед за мной — еще шестеро. Нужно было всех прокормить. И мама вынуждена была отдать нас в интернат. Тут было что есть, была чистая постель и школьная форма, о которой я так мечтала. И была у меня «зеркальная мечта». Глядя в зеркало, часто видела себя трагической актрисой. Представляла, как по мне плачут, как умираю на сцене. И после окончания восьмилетней школы-интерната поехала поступать в Одесское театральное училище. Но — безуспешно. Пришлось продолжить учебу в школе. Потом попросилась на коростенский завод «Химмаш» крановщицей. Начала петь в заводском хоре. Тут жизнь свела меня с очень хорошим человеком, нашим директором — Алексеем Андреевичем Щабельником. Он заставил меня поверить в свои силы: «Нина, ты должна петь». И я решила: стану певицей.

шло решение поступить в студию хора имени Григория Веревки?

— Приехала в Киев держать экзамены в студию. На первом туре спрашивают: у вас какая тональность? Я обиделась: не нужно мне никакой тональности, сама запою! Пришла узнавать результаты прослушивания — нет меня в списках второго тура. Иду документы забирать. А мне и говорят: «Так вас сразу же на третий записали!» На последний тур много новых песен приготовила — маминих. У меня все песни от мамы...
...Наш разговор прерывается. Приближается второе отделение. Певица готовится к выходу. Надевает народный костюм. Расчесывает волосы, настановым вздопом сплалодущие ниже подса. Надевает на голову вышитый красным и черным оципок, который так идет ей.
...Волнуется. Меряет шагами комнату. Никак не может «взять» ноту. Подбирает на пианино...
И вот уже голос ударяет о стовны души. Ласкает нежно: стью.
Прилетела переплочна
У зелену та дїбровоньку.
Ой, зеленая дїбровонько,
Ой бідна ти головонько.
...После выступления, легкая и ситопная взвозащается с охадной цватов и споником бжанных колосов. Наш разгов...

длушала только что ваше пение в сопровождении «Дударика», и не покидало чувство гармонии, слитности, полного взаимопонимания исполнителей. Что дает вам это творческое содружество?

— Силы. Силы дает. Знаете, иногда человек поет или живет в одной тональности. Не ниже и не выше. «Дударик» заставил меня подняться выше, даже помолодеть. Я благодарна судьбе, что она свела меня с «Дудариком». Не знаю, что я даю ребятам, но они своей детской непосредственностью, своим пением вдохновляют меня.

— Нина Митрофановна, в так называемые годы застоя почти во всех жанрах искусства была извращена народная основа. Коснулись это и песни...

— Я не понимаю, зачем это нужно было. Например, колядки, щедровки пели где-то тихо, украдкой. Диву даешься. Люди как будто оглохли, онемели, чего-то боялись. А когда люди боются, они становятся равнодушными. Перестройка создает широкие возможности для решения этих проблем. Слово — за нами, за каждым из нас. Посмотрите, какая у нас богатая история,

культура. Каких всемирно известных певцов, композиторов родила наша украинская земля. И если есть возможность обо всем этом громко говорить, почему бы нам и не петь во весь голос!

— Сегодня молодежь очень уж увлекается «тяжелым роком», другими закордонными новинками...

— Да, настоящее засилье «иноземщины». Есть в этом «заслуга» наших радио и телевидения. Причина не только в молодежи, а прежде всего в том, кто и как популяризует музыку. Я уверена, что все чужое — недолговечно.

— Вы считаете невозможным синтез народной песни и рока?

— Наоборот. Истоки рок-музыки все-таки идут от народной основы. Интересные поиски в этом жанре делает киевская рок-группа «Гроно». Не все ей, правда, удается. Я поддерживаю те современные течения, которые идут от своего корня, а не от чужого. Потому что питаться чужим, ходить в чужом, иметь чужую душу — нельзя.

— Мне посчастливилось побывать в Киевском театре поэзии и видеть «Марусю Чурай» — спектакль по одноименному роману Лины Костенко, и вас в роли Маруси. Чем близка вам поэзия Лины Костенко?

— Люблю Лину Костенко за то, что она — человек высокого слова в нашей современной украинской поэзии. Поэтесса в моем воображении — живая Маруся Чурай, которая не прощает ни предательства, ни даже слова двусмысленного...

— И в заключение «домашний» вопрос: как вам удается совмещать нелегкий труд артистки с не менее сложными материнскими заботами? Ведь вы — мать троих детей.

— Да, одну вы же сегодня видели... (смеется).

Дело в том, что Нину Матвиенко в этой поездке во Львов сопровождала шестилетняя дочурка. Тонечка весь концерт просидела за кулисами, слушая мамини песни. А в Киеве остались ее братья — Андрейка и Иван, которые не могут пропускать уроки в Республиканской художественной средней школе имени Т. Г. Шевченко.

— В такой семье, как наша, многое зависит от мужа. Тут я счастлива...

Беседу вела
К. ГОПОВАТАЯ.
Фото В. Дубаса.

Львовская правда
18 МАР 1988
г. Львов